

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

УДК [811.161.1:811.512.154]246.2(575.2)

Научная статья / Research article

Особенности билингвизма в Кыргызстане

З.К. Дербишева

Кыргызско-Турецкий университет Манас,
720082, Кыргызстан, г. Бишкек, мкр. Улан 1/1, кв. 59
✉ dezami2015@gmail.com

Аннотация. В Кыргызстане как в многонациональной стране проблема языковых контактов всегда являлась весьма актуальной. Она была связана с функциональными возможностями русского и киргизского языков и с языковой политикой государства. При этом билингвизм является неотъемлемым атрибутом кыргызского общества. Билингвизм этнических киргизов связан с разным уровнем знания русского языка, а также он демонстрирует разный характер самоконтроля говорящих над языками, в которых имеет место как осознанное регулирование языкового пользования, так и стихийное. Установлено, что указанные факторы оказывают существенное влияние на специфику кодовых переключений в речи билингвов.

Ключевые слова: билингвизм, языковые контакты, кодовые переключения, языковая ситуация, языковая политика, диглоссия

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.11.2021

Для цитирования:

Дербишева З.К. Языковые контакты в сфере билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 144—155. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155>

UDC [811.161.1:811.512.154]246.2(575.2)

Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan

Zamira K. Derbisheva

Kyrgyz-Turkish Manas University,
59, Ulan 1/1, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720082
✉ dezami2015@gmail.com

Abstract. In Kyrgyzstan, as a multinational country, the problem of language contacts has always been topical. It was related to the functional possibilities of the Russian and Kyrgyz languages and the language policy of the country. In this regard, bilingualism is an integral feature of the Kyrgyz

© Дербишева З.К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

society. The bilingualism of the ethnic Kyrgyz is associated with different levels of knowledge of the Russian language, and it also demonstrates the different nature of self-control of speakers over the languages, in which there are both conscious control of language use and spontaneous one. It has been established that the above factors have a significant influence on the nature of code-switching in the speech of bilinguals.

Key words: bilingualism, code-switching, language contacts, language situation, language policy, diglossia

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.11.2021

For citation:

Derbisheva, Z.K. (2022). Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(1), 144—155. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155>

Введение

Билингвизм в полиэтническом социуме — неперенный атрибут коммуникации. Под билингвизмом понимается способность в процессе коммуникативного акта переключаться между двумя языками в зависимости от собеседника, темы разговора, степени формальности, коммуникативной ситуации, прагматических и психологических факторов [1. С. 5].

Надо сказать, что билингвизм в Киргизии в его разновидностях (русско-киргизский и киргизско-русский) этнически не был привязан к русскому населению республики. Русско-киргизский билингвизм и киргизско-русский билингвизм были свойственны только этническим киргизам. Эти две разновидности билингвизма исторически меняли свои позиции: если в советское время у киргизов преобладал русско-киргизский билингвизм, то на данном этапе с кардинальным изменением геополитической ситуации на постсоветском пространстве активно развивается киргизско-русский билингвизм. Экскурс в историю социоллингвистической ситуации в стране позволит разобраться во многих проблемах. Советский период в языковой ситуации в Киргизии можно назвать периодом диглоссии. Термин *диглоссия* был введен Ч. Фергюсоном при описании ситуации функционального разграничения языков в зависимости от коммуникативной ситуации и функциональной сферы употребления Ч. Фергюсон подчеркивает важность использования варианта, соответствующего коммуникативной ситуации: к сферам использования «высокого» кода относятся религиозные службы, политические речи, формальная образовательная среда, включая университетские лекции, новостные программы и периодика, поэзия и литература. С другой стороны, «низкому» коду соответствует сфера обслуживания, общение с членами семьи, друзьями и коллегами, развлекательные радиопрограммы и фольклор [2. С. 327—329]. Функциональное распределение русского и киргизского языка соответствовало диглоссной ситуации. Русский язык как язык «высокого» кода охватывал все

сферы общественной жизни республики: экономику, промышленность, сферу торговли, сферу дошкольного, школьного, среднего специального и высшего образования, сферу науки, судопроизводства, правоохранительных органов, СМИ и телевидения, сферу государственного управления и т.д. В результате тотального распространения русского языка киргизский язык был оттеснен на периферию социума и функционировал, главным образом, в сельских регионах как язык семейно-бытового общения, как язык школьного образования, а также в качестве языка художественной литературы. Естественно, что в таких условиях киргизский язык не выдерживал конкуренции с русским языком и фактически переживал период стагнации. В то время русский язык в киргизском обществе был востребован как язык социального продвижения. На тот момент этническое самосознание киргизов было толерантно к факту неравенства языков, поскольку русский язык рассматривался как инструмент для достижения социального статуса, стабильности, благополучия. В этих условиях среди киргизского населения начал формироваться русско-киргизский билингвизм, который имел свои особенности. Городские жители говорили преимущественно на русском языке в семье, на работе, со сверстниками; даже когда им приходилось общаться с родственниками, не владеющими русским языком, они редко переходили на родной язык, разговор шел на разных языках в буквальном смысле слова. Представители сельских регионов, мотивированные на получение образования, за время обучения вполне удовлетворительно усваивали русский язык, которым они успешно пользовались как языком профессиональной коммуникации; однако вне работы, в семейном кругу, они переходили на родной язык. «Переключение на другой код в результате сдвига в социальной обстановке, например, при смене собеседника, изменении контекста или темы, ученые называют ситуационным переключением. Такого рода переключение напрямую связано с диглосной языковой ситуацией» [З. С. 56]. Таким образом, можно говорить о двух типах билингвизма, сложившихся в советское время:

- 1) русско-киргизский билингвизм городских жителей;
- 2) русско-киргизский билингвизм сельских жителей.

Для представителей 1 типа русский язык был ведущим и активным, а родной язык был пассивным, часто только на уровне понимания. Вторую категорию можно назвать полноценными билингвами, они активно пользовались обоими языками, но в разных сферах жизнедеятельности. Примечательно то, что для обоих типов билингвизма были характерны: во-первых, пассивная роль киргизского языка, во-вторых, отсутствие смешения языков. Для первого типа это было связано с сознательным отказом от родного языка, а для второго типа связано с разными сферами использования двух языков, то есть кодовое переключение происходило с языка на язык по ситуативному признаку. В данных типах билингвизма языки были менее контактными, использовались изолированно друг от друга. К нашей ситуации отчасти

применима точка зрения Дж.А. Фишмана: «...билингвы, чье знание языков проистекает из ситуаций обыденного общения или необходимости ... vs. билингвы, чье знание языков проистекает из ситуаций элитарного общения (например, высококультурные люди, которые часть своего образования получили на иностранном языке)» [4. С. 329—336].

Языковая ситуация в современной Киргизии существенно отличается от ситуации советского периода. Она предопределяется этнонациональным раскладом, который в значительной степени изменился после распада СССР.

Так, в 1979 году национальный состав Киргизии определялся следующими показателями:

- киргизы 48 %;
- русские 26 %;
- узбеки 12 %;
- другие национальности 14 %.

В 2018 году национальный состав Киргизии определялся такими показателями:

- киргизы 73,3 %;
- русские 5,6 %;
- узбеки 14,7 %;
- другие национальности 16,4 %.

Наряду с изменением национально-этнической ситуации, причиной которой стали массовые миграционные процессы, стала меняться языковая ситуация в стране: отток русскоязычного населения привел киргизскому одноязычию регионов страны, сокращению сфер использования русского языка. На данный момент русский язык функционирует как язык межнационального общения, язык незначительной части СМИ, ТВ, Интернета и как язык преподавания в вузах. Кардинальному изменению языковой ситуации в стране способствует также языковая политика, которая направлена на развитие и пропаганду государственного киргизского языка. Все эти факторы привели к ситуации, когда роль и функции киргизского языка в обществе стали заметно расти; знание киргизского языка стало фактором достижения социального престижа. У киргизской молодежи произошла переоценка в отношении к родному языку, и с каждым годом увеличиваются ряды киргизской молодежи, активно осваивающей родной язык. При этом надо отметить, что качественное знание киргизского языка приобретает особую ценность в сочетании с другими языками, прежде всего с русским языком, который закреплен в нашей Конституции как официальный язык. В создавшейся ситуации можно говорить о формировании у киргизов другого типа билингвизма, а именно киргизско-русского билингвизма, при котором языки характеризуются большей контактностью, способствующей их активному взаимовлиянию, предопределяющему разные виды кодовых переключений.

Обсуждение

Период активного изучения двуязычия, коммуникативных привычек билингвов и ситуации диглоссии в зарубежной и российской социолингвистике заложил основу для формирования направления, изучающего проблему переключения кодов. О предпосылках зарождения этого аспекта двуязычия Л.Р. Зурабова говорит следующее: «Во-первых, ранние исследования двуязычия проводились в рамках структуралистской парадигмы; фокус внимания во многом приходился на язык (*langue*), нежели на речь (*parole*), т.е. двуязычие изучалось с точки зрения взаимодействия двух языковых систем, в то время как непосредственное употребление языка оставалось на периферии. Во-вторых, исходя из представлений структурализма о языке и его грамматике как самостоятельной сложноструктурированной системе взаимозависимых элементов, переключение кодов рассматривалось как последствие нарушения структурной целостности системы, т.е. как следствие интерферентных процессов» [3. С. 50]. Сегодня проблема кодовых переключений является одной из актуальных проблем билингвизма. По сущности этого явления, например, Рене Аппель пишет, что «переключение кодов — это неизолированное явление, а ключевая составляющая билингвального речевого общения» [5. С. 117]. Шана Поплак: отмечает, что «...переключение кодов является само по себе нормой в определенных речевых ситуациях, которые существуют в устойчивых двуязычных сообществах»; ею дается следующее определение: «Переключением кодов называется смешение двух или более языков в речи билингвов (или мультилингвов), при котором необязательно происходит смена собеседника или темы разговора» [6. С. 23].

Проблему переключения кодов мы будем рассматривать исходя из сложившихся сегодня в Кыргызстане моделей билингвизма.

1. Пропорциональный (сбалансированный) билингвизм, для которого характерно одинаково качественное владение двумя языками (Я-1 и Я-2).

2. Диспропорциональный билингвизм I типа, при котором родной язык — киргизский (Я-1) доминирует, а второй язык — русский (Я-2) недостаточно освоен.

3. Диспропорциональный билингвизм II типа, при котором второй язык — русский (Я-2) доминирует, а родной — киргизский язык (Я-1) недостаточно освоен.

4. Диспропорциональный билингвизм III типа, при котором один из языков активен, имеет продуктивный характер, а второй — пассивен, имеет перцептивный характер.

Пропорциональный билингвизм. Сюда относится значительное количество билингвов, которые одинаково владеют и русским и киргизским языком. Так, у представителей этой категории в официальной обстановке присутствует самоконтроль в использовании двух языков. В этих условиях у билингвов кодовое переключение происходит осознанно в соответствии с конкретной ситуацией. Попадая в однородную киргизскую языковую среду, билингв

переключается на киргизский язык и будет избегать излишних, неоправданных вкраплений. Оказавшись в русскоязычной среде, он настраивается на русский языковой код и не станет допускать смешения с киргизским языком. У. Вайнрайх характеризует идеального билингва как человека, который «переключается с одного языка на другой, согласно соответствующим изменениям в речевой ситуации (собеседник, тема и др., но не в измененной языковой ситуации и определенно не внутри одного предложения» (цит. по: Ш. Поплак [3. С. 22]).

Однако и представители пропорционального билингвизма в непринужденной обстановке могут допускать смешение кодов, включать вкрапления, использовать контаминацию фраз. Уровень владения языками может варьироваться и покрывает все степени владения, включая как совершенное знание одного и более языков, так и посредственное знание второго языка.

У некоторых исследователей возможность полного сбалансированного билингвизма вызывает сомнения в связи с тем, что, как правило, «...переключение кодов у билингвов ведет к интерференции в обоих языках, а в радикальных случаях высокочастотное переключение может привести к смешению языков» [8. С. 368—369].

Основными механизмами билингвального речепроизводства является заимствование, калькирование и кодовое переключение. Принимая во внимание вышесказанное, заметим, что к билингвам относится широкий спектр лиц, начиная с идеальных билингвов, одинаково хорошо говорящих на обоих языках, заканчивая лицами, делающими первые попытки изъясниться на новом языке [9. С. 72—77.]. Казахстанский ученый Д.Б. Аканова также считает, что смешение кодов возможно и при высоком уровне владения вторым языком [10. С. 35].

Диспропорциональный билингвизм I типа с преобладанием киргизского языка предполагает кодовое переключение с родного языка на неродной язык (с Я-1 на Я-2). Уровень владения вторым языком у данной категории билингвов достаточно низкий, говорящий обладает ограниченным лексическим запасом, поверхностно знает грамматические нормы Я-2. Такой тип кодового переключения предполагает приемлемое сохранение смыслового компонента высказывания при искажении его внешнего оформления, причиной которого является интерферирующее влияние родного языка. Ср.: *Если молодые разговаривают, то пусть женятся* (вм.: если молодые нашли общий язык, то пусть женятся); *Ястреб берет только лиса* (вм.: лису может взять только ястреб); *рассказать совет* (вм.: дать совет); *прямо стоит на языке* (вм.: вертится прямо на языке); *машину, который 6—7 литров бензина кушает* (вм.: машину, которая расходует 6—7 литров бензина); *Он чисто будет работать* (вм.: он будет честно работать); *он не будет воровать Кыргызстан* (вм.: он не будет обворовывать (грабить) Кыргызстан); *четыре партии соединил* (вм.: он объединил четыре партии); *Через неделю должен был на Иссык-Куль идти* (вм.: через неделю должен был ехать на Иссык-Куль); *вы уже*

придумали, где остаетесь (вм.: вы уже подумали, где остановитесь); *задержали водителя, взбившего* (вм. сбившего) *ребенка; обделка* (вм. отделка) *квартир; наш головной набор* (вм. убор) и др.

Речевые ошибки в приведенных примерах свидетельствуют о высокой степени интерференции, при которой нарушаются и семантические, и лексические, и грамматические нормы русского языка (Я-2). Калькирование при таком типе билингвизма является наиболее распространенным видом кодового переключения. Необходимость такого переключения чаще всего имеет место в ситуациях общения с адресатом, не владеющим киргизским языком, когда он вынужденно переходит на русский язык в стремлении быть понятым собеседником.

К следующему виду кодовых переключений многие лингвисты относят заимствования. Заимствованием принято считать переход элементов одного языка в другой как результат их длительного взаимодействия с исторической точки зрения. Приток иностранной лексики обусловлен культурно-историческими предпосылками.

В вопросе о заимствованиях часто затрагивается проблема разграничения заимствований от случаев кодовых переключений. Одним из признаков заимствований исследователи считают регулярность их использования в коммуникации, понятность и доступность для языкового коллектива. Те заимствования, которые не соответствуют требованиям регулярности и распространенности в сообществе, принято называть окказиональными/случайными заимствованиями или иноязычными вкраплениями (*nonce borrowings*) [11. С. 25].

В рамках дискуссии по дифференциации переключения кодов и единичных включений в речи билингвов Ш. Поплак предлагает следующий критерий: «если в принимающем языке у спорных единиц наблюдается тенденция функционировать (например, в образовании падежей) как функционируют родные единицы, *а не в соответствии с моделями исходного языка, то их следует считать заимствованиями* (выделено мной — З.Д), поскольку в данном случае имеет место грамматическая ассимиляция. Обратное, если спорные единицы следуют моделям исходного языка, игнорируя правила принимающего, то их следует считать результатом ПК [6. С. 2062—2065]. Если исходить из критерия, предлагаемого Ш. Поплак, то в нашем случае узуальные заимствования вполне соответствуют признакам переключения кодов, так как они подчиняются требованиям киргизской грамматики. В следующих примерах можно наблюдать, как существительные подвергаются грамматической адаптации: к названиям дней недели свободно присоединяются падежные аффиксы киргизского языка. Ср.: *четвергте бошмун* (в четверг я свободен); *понеделниктен кийин сүйлөшөлү* (поговорим после понедельника); *чогулушту субботага которолу* (перенесем собрание на субботу). Наряду с наименованиями дней недели часто включаются и названия месяцев на русском языке. В школьном дискурсе с неизменной частотностью

используются слова, обозначающие предметы повседневного обихода учащихся, которые оформляются обязательными показателями падежа и посессивности. Ср.: *Ашыкча ручкаң барбы?* (у тебя есть ручка?). *Резинкаңды алып турайынчы* (Можно я возьму твою резинку?). *Тетратымды алган эмес белең, таппай жатам* (ты не брал мою тетрадь, не могу найти?). В разговорный узус прочно вошли заимствования, обозначающие предметы бытовой техники: *Холодильнигибиз бузулуп калды* (У нас холодильник сломался); *Телевизордон атамды көрсөтүп жатат* (По телевизору папу показывают); *Радиону угуп жатам* (Я слушаю радио); *Стиральная машинабыз азырынча жок* (У нас пока нет стиральной машины). Заимствования из сферы официально-деловой лексики также оформляются по правилам аффиксальной агглютинации: *образецти алып барам* — я принесу образец; *ал биографиясын жазсын* — пусть напишет свою биографию; *договорубузга кол коюш керек* — надо подписать наш договор. Следующие примеры единичных включений **не** относятся к разряду узуальных заимствований. Однако, как видно из предыдущих примеров, в билингвальной речи киргизов заимствованные существительные из русского языка проявляют **большую** гибкость и адаптируемость к грамматическим правилам киргизского языка, тогда как глаголы сохраняют исходную форму и не вступают в грамматические отношения с принимающим языком. Ср.: *свет силерге мешатъ эткен жокпу?* (вам свет не мешает?); *сабакка чейин успетъ этесиңби?*; (а ты успеешь до урока?); *биз деле волноватъся эткенбиз жаш кезде* (мы тоже в молодости волновались); *кел споритъ этебиз* (давай поспорим); *анан звонитъ этип коем* (потом позвоню); *переживатъ кылба, балаңды үйгө жөнөтүп койдум* (не переживай, я отправил ребенка домой); *давлениеси көтөрүлүп кетсе лечитъ этиш керек* (если поднялось давление, надо лечить); *ал багажды приметъ этет* (он принимает багаж); *мен дагы обещатъ этип койгом* (я тоже пообещал); *квартираны он эки миңге сниматъ этебиз* (мы снимаем квартиру за 12 000); *голосоватъ эттиңби?* (ты проголосовал). Здесь наблюдается обратный процесс: принимающий язык приспособливает русские глаголы, вводя их с помощью глагольного показателя киргизского языка *-ет-* (делать). Разговорная речь чаще, чем письменная, облекается в модальные рамки; говорящий нуждается субъективной поддержке собеседника, и употребление вводных слов достоверности, гипотетичности часто происходит с помощью русских вкраплений. Ср.: *может быть, жардам берет* (может быть, он поможет); *айырмасы менен токсон эки, видишь, а менде аз*; (видишь, разница в 92, а у меня меньше); *башкы карманы Сивилла да, помнишь?* (главная героиня ведь Сивилла, помнишь?); *болжол менен где-то 10—15 жаш* (примерно, где-то 10—15 лет); *конечно, үнү өзгөрдү* (конечно, голос изменился); *реально, алар бизден чоң көрүнөт* (реально, они кажутся больше нас). Джон Гамперц рассматривает кодовые переключения как прагматическое или стилистическое явление, в котором устная речь расчленяется на противопоставляемые друг другу единицы. «Любое свойство контекста, как присутствие союза, или наречия, или

перформативного оборота, которое выделяет одно предложение из ряда последующих или предыдущих, благоприятствует процессу переключения и делает его более уместным» [12. С. 92]. Ср.: *Пока биз жыйнап кеткенче саат 1—2 болот уже* (Будет уже час или два ночи, пока мы уберемся). *Көбү эле айылга жашабайм, тем более ата-энең менен турсаң дешет* (Многие не хотят жить в селе, тем более если живешь с родителями); *А если айылда анаң болсо, анда ошол жакта калыш керек* (А если дома в селе мать, тогда надо оставаться там); *Потому что Шайыр жеңе билгизип койду* (потому что тетя Шайыр выдала); *Ключ үйдө эле болушу керек, потому что кечээ ачып киргенсиз* (Ключ должен быть дома, потому что вчера вы сами открывали) и др. Подобные случаи свидетельствуют о ситуации, когда «...люди владеют вторым языком в степени, достаточной для согласования своих действий с носителями второго языка, для обмена мыслями» [13. С. 123]. В основе кодового переключения лежит смешение и слияние двух языков, которое образует в итоге гибридную грамматическую структуру, что делает подход и сам процесс рассмотрения этого явления особенным. Кодовое переключение напрямую свидетельствует об особенностях билингвальной речи. Однако в трактовке природы кодовых переключений у исследователей есть определенные расхождения. По мнению одних авторов, переключение кодов происходит в тех случаях, когда говорящий ощущает нехватку языковых средств в одном языке либо испытывает определенные затруднения в выражении мыслей, он переключается на другой язык. Неспособность билингва поддержать разговор с использованием только одного языка называется «полулингвизмом» (semi-lingualism) [14. С. 13]. Противоположное мнение о переключении кодов как показателе идеального владения языками высказывается Шана Поплак: «ПК — это речевой навык, требующий высокой степени владения более чем одним языком, а не изъян, возникающий по причине недостаточного владения одним или другим языком» [6. С. 53]. Ю.В. Балакина и А.В. Соснин называют эту особенность билингвизма металингвистической, при которой имеет место переменное использование двух языков в разговоре с целью впечатлить собеседника своей лингвистической компетенцией [1. С. 7]. Ср.: *Кээ бири ата-энесинин обеспечениесинде болсо дагы өздөрү акча табышат* (Некоторые, даже если они на обеспечении родителей, сами зарабатывают деньги); *Ал баланын өзүнүн сознаниесинен болот* (Это зависит от сознания ребенка); *менин исследованиемде ал бар* (в моем исследовании это есть); *Заключениени негизинде решение принимать этебиз* (На основании заключения мы примем решение). Дж. Гамперц усматривает в подобных переключениях особые семантические функции, которые реализуют значимые оппозиции: «предупреждение/личная просьба, незначащая ремарка/личное переживание, решение, принятое по благоприятному случаю/ решение, принятое с досады, личное мнение/ общеизвестный факт [12. С. 95]. Некоторые семантические функции из перечисленного Дж. Гамперцем можно обнаружить в следующих примерах с внутрисентенциональными включениями. Ср.: *биз баарын*

талкалап древний мирге түшүп калбашыбыз керек (мы не должны все разрушить и оказаться в древнем мире); *низкий уровнеге түшкөн жок* (он не опустился до низкого уровня); *анан легкий способторун көргөзөм* (потом покажу легкие способы); *серьезный отношенияга өтүп баратат* (они переходят в серьезные отношения). Вопреки экономии часто в целях более точной передачи мысли билингвы используют усложненные гибридные конструкции. Ср.: *Мурда же жили в мире и согласии* (Мы же жили раньше в мире и согласии); *Коомдун духовный, нравственный деңгээлин көтөрүш керек* (Надо поднимать духовный и нравственный уровень общества); *Паника баиталса пассажирлерди успокаивать этиш керек местный жительдерге* (Если начнется паника, то местным жителям надо успокаивать пассажиров).

Таким образом, анализ разных типов киргизско-русского билингвизма приводит к следующим выводам.

1. Для диспропорциональных видов билингвизма свойственны, главным образом, узуальные заимствования и случаи калькирования.
2. Для пропорционального билингвизма характерны кодовые переключения в виде внутрисентенциональных включений.

Заключение

Билингвизм в Кыргызстане — это одна из конститутивных особенностей языкового функционирования в стране. На протяжении всей истории языковой эволюции русский и киргизский языки развивались в соответствии с такими социолингвистическими факторами, как баланс языков в разных сферах общественной жизни, векторы языковой политики, уровень функциональной мощности языков и др. Характер билингвизма в республике напрямую был детерминирован указанными факторами. Для советского периода билингвизм этнических киргизов имел ситуативно изолированный характер с преобладанием русского языка и понижением роли киргизского языка; в постсоветское время баланс языков кардинально изменился в пользу киргизского языка, что привело к формированию у киргизов контактного билингвизма. Изучение нового типа билингвизма подтверждает многие закономерности кодовых переключений, выявленные учеными на материале других языков. Вместе с тем следует отметить и специфические особенности, характерные для переключения кодов при киргизско-русском двуязычии, одной из которых является факт разной степени адаптации русских включений в зависимости от типов киргизско-русского билингвизма.

Библиографический список

1. Балакина Ю.В., Соснин А.В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5—12.
2. Ferguson C.A. Diglossia // Word: journal of the International linguistic association. 1959. № 10 (2). P. 325—340.

3. Зурабова Л.Р. Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследований // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (1). С. 48—61. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_48_61
4. Fishman J.A. English in the context of international societal bilingualism // *The Spread of English*, Fishman, J.A., Cooper, R. & Conrad, A. (eds.). Rowley, 1997. pp. 329—336.
5. Appel R., Muysken P. *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: University Press, 2005. P. 117.
6. Poplack S. Code-Switching (linguistic) / N. Smelser, P. Baltes (eds.) // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, 2001. P. 2062—2065.
7. Поплак Ш. «Иногда я начинаю предложение in Spanish, а заканчиваю его en español»: к типологии переключения кодов // *Социолингвистика и социология языка*. Хрестоматия. Том 2 / отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб: Издательство Европейского университета, 2015. С. 11—57.
8. Vogt H. Language contacts // *Word: journal of the International linguistic association*. 1954. № 10. P. 365—374.
9. Шамне Н.Л. Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков: теоретические основы изучения языковых контактов // *Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия: Языкознание*. 2008. № 1. С. 72—77.
10. Акынова Д.Б. Казахско-английские языковые контакты: кодовое переключение в речи казахов-билингвов: дисс. ... д-ра философии (PhD). Астана, 2014.
11. Weinreich U. *Languages in contact, findings and problems*. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.
12. Гамперц Д. Переключение кодов в разговоре // *Социолингвистика и социология языка*. Хрестоматия. Том 2 / отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб: Издательство Европейского университета, 2015. С. 57—103.
13. Ханазаров К.Х. Критерии двуязычия и его причины // *Проблемы двуязычия и многоязычия*. М.: Наука, 1972. С. 119—124.
14. Heredia R.R. *Foundations of Bilingual Memory*. New York: Springer, 2013.

References

1. Balakina, Yu.V. & Sosnin, A.V. (2015). Conceptual framework for code-switching and lexical borrowings from the perspective of contact linguistics. *Proceedings of Voronezh State University Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 5—12. (In Russ.).
2. Ferguson, Ch. (1959). Diglossia. *Word: journal of the International linguistic association*, 10(2), 325—340.
3. Zurabova, L.R. (2020). Code switching and bilingualism: origin of the field of linguistic research. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika*, 6(1), 48—61. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_1_48_61
4. Fishman, J.A. (1997). English in the context of international societal bilingualism. In: *The Spread of English*, Fishman, J.A., Cooper, R. & Conrad, A. (Eds.) Rowley. pp. 329—336.
5. Appel, R. (2005). *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam: University Press. p. 117.
6. Poplack, S. (2001). Code-Switching (linguistic), N. Smelser, P. Baltes (eds.). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. In: Amsterdam. pp. 2062—2065.
7. Poplak, Sh. (2015). “Sometimes I start a sentence in Spanish and end it en español”: towards a typology of code switching. In: *Sociolinguistics and Sociology of Language*. Vol. 2, N.B. Vakhtin (ed.). Saint Petersburg: European University Press. pp. 11—57. (In Russ.).
8. Vogt, H. (1954). Language contacts. *Word: journal of the International linguistic association*, 10, 365—374.
9. Shamne, N.L. (2008). Intercultural communication and comparative study of languages: theoretical foundations of the study of language contacts. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1, 72—77. (In Russ.).

10. Akynova, D.B. (2014). *Kazakh-English language contacts: code switching in the speech of Kazakh bilinguals* [dissertation]. Astana. (In Russ.).
11. Weinreich, U. (1953). *Languages in contact, findings and problems*. New York: Linguistic Circle of New York.
12. Gamperts, D. (2015). Code switching in conversation. *Sociolinguistics and sociology of language*. Vol. 2, N.B. Vakhtin (ed.). Saint Petersburg: European University Press. p. 726. (In Russ.).
13. Khanazarov, K.Kh. (1972). Criteria for bilingualism and its causes. *Problems of bilingualism and multilingualism*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Heredia, R.R. (2013). *Foundations of Bilingual Memory*. New York: Springer.

Сведения об авторе:

Дербишева Замира Касымбековна, доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка и литературы Гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета Манас; *e-mail*: zamira.derbisheva@manas.edu.kg eLIBRARY ID: 45568029

Information about the author:

Zamira K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature, Faculty of Humanities, Kyrgyz-Turkish Manas University; *e-mail*: zamira.derbisheva@manas.edu.kg eLIBRARY ID: 45568029